

СЕРИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ВЫП. 67

РОМАН СИГРИД УНСЕТ
«КРИСТИН, ДОЧЬ ЛАВРАНСА»¹

Н. Я. Дьяконова

В норвежской литературе историческая трилогия Унсет явилась событием огромной важности. Так же как произведения Ибсена, Бьернсона, Гамсуна, «Кристин, дочь Лавранса» становится неотъемлемой частью мировой культуры, завоевывает для скандинавской прозы международное признание. В творчестве писательницы этот роман занимает центральное место.

Свои первые книги Сигрид Унсет (1882—1949) писала еще в начале века, продолжая гуманистические традиции Камиллы Коллетт, А. Хьелланна, Юнаса Ли, Амалии Скрам.² Она рассказывала о трудной и скудной жизни ничем не примечательных городских обывателей — служащих, продавцов, домашних хозяек. С удивительной для своего времени прямоотой и беспощадностью она говорила о семейных драмах, о духовном и материальном неустройстве, об исканиях и ошибках, о неизбежности утраты иллюзий, о разбитых сердцах. Таковы ее романы «Фру Марта Эули», «Иенни», «Весна», сборники новелл «Счастливый возраст», «Нищие судьбы».³ Во всех этих произведениях господствует дух скептицизма, вольномыслия, критического анализа, усвоенный ею отчасти под влиянием отца, выдающегося ученого, хотя и рано умершего, и отчасти из ее самостоятельных занятий. Она изучала литературу и историю Норвегии, поэзию и драматургию Англии, религию и философию, разделяла распространённые среди передовой норвежской интеллигенции стремления к независимости, свободе, ниспровержению авторитетов. В этом смысле особенно глубокое воздействие на своих современников оказал Ибсен. Героиня романа Унсет художница Иенни сродни ибсеновской Норе.

¹ Sigrid Undset. Kristin Lavransdatter («Kransen», 1920; «Husfrue», 1921; «Korset», 1922).

² См.: A. H. Winsnes. Vie de Sigrid Undset. Paris, 1957, 10.

³ «Fru Martha Oulie», 1907; «Jenny», 1911; «Våren», 1914; «Den lykkelige alder», 1908; «Fattige skjæbner», 1912.

В годы первой мировой войны Унсет пережила серьезный душевный кризис. О глубине его свидетельствуют уже ее статьи того времени («Женщины и мировая война», «Путаница идей», «Послесловие»)⁴. Писательница понимала, что война обнажила разрушительные силы, таящиеся в недрах современной цивилизации, но, так же как и многие другие западные мыслители и художники, находила ложное объяснение этим силам в господстве материализма, в равнодушии к добру, альтруизму, к богу.⁵ Эпохе стремительно падающих духовных ценностей Унсет хочет противопоставить мир неизблемых нравственных норм. Мысль ее обращается к религии. Изучая историю церкви, она отвергает рационалистическую сухость протестантизма и отдает предпочтение католической вере, с ее точки зрения более непосредственной и поэтической. Так, в период религиозных исканий Унсет возникает трилогия «Кристин, дочь Лавранса». В истории Норвегии XIV в. писательница ищет разрешения этических задач, которые стоят перед ее современниками. Проблемы трилогии поэтому выходят за рамки средневековья и воспринимаются как общечеловеческие.

Согласно замыслу Унсет, трагедия Кристин определяется тяжелой внутренней борьбой между жадой земной любви, земного счастья — и христианским долгом. По идее автора, все несчастья Кристин были возмездием за ее грехи, вольные и невольные, а умиротворение пришло лишь с отказом от суеты. Однако весь строй романа, ход событий, логика образов опровергают такую концепцию.

Вопреки своему религиозному замыслу, но в полном согласии со свойственным ей глубоким пониманием движений души и всех тех материальных факторов, из которых складывается живая действительность, Унсет дает обстоятельствам, приведшим к крушению Эрленда и Кристин, не мистическое, а реалистическое обоснование: тут и социально-исторические причины, коренящиеся в общем экономическом и политическом упадке Норвегии в XIV в., и причины психологические — жизнерадостная и неглубокая натура Эрленда резко не соответствует серьезному внутреннему складу Кристин, ее сознанию долга и чести. Страсть, более сильная, чем смерть, такая, о какой, по выражению одного из персонажей, только в сагах пишут, соединила людей противоположных характеров, взглядов, привычек. Любя Эрленда, Кристин не может простить ему, что он не отвечает ее идеалу мужа и хозяина, но, возмущаясь, не может не любить. В этом сплетении любви и вражды,⁶ в равной невозможности общей и отдельной жизни — источник страданий супругов.

⁴ «Kvinderne og verdenskrigen», «Begrepsforvirring», «Efterskrift», 1918—1919.

⁵ А. Н. Winsnes, ук. соч., 84—85, 91—92, 95.

⁶ «Husfrue». Oslo, 1958, 280; ср.: А. Н. Winsnes, ук. соч., 48—49.

Представляя читателям реалистически убедительные мотивы поведения и чувств героев, автор считает, что эти мотивы получают последний и окончательный смысл только в соотношении с религией и видит в ней величайшую моральную силу; однако изображает воздействие ее так, что читатель чувствует, насколько она губительна: она коверкает жизнь тех, кто послушен ей, и терзает стыдом и страхом непокорных. Церковь наложила калечащую руку на Кристин, подвергая ее непрерывной душевной пытке, и на ее старших сыновей. Едва выйдя из отроческих лет, они отправляются в монастырь замаливать свои еще не совершенные грехи. Унсет и в этом усматривает мудрое возмездие. В то же время, стремясь доказать, как трудны пути к благодати, она в нескольких чуть ли не случайно оброненных словах упоминает о том, как много юноши должны были убить в себе, прежде чем заживо похоронить себя в монашеской келье. Исступленным фанатиком, стариком до времени, сломленным в борьбе с собой, уходит со страниц романа брат Эрленда, Гюннульф. Хотя писательница оправдывает это духовное самоубийство, она с неумолимой правдивостью воспроизводит нечеловеческие муки, предшествующие полной «победе» церкви.⁷

Когда Унсет описывает «чудеса», творимые верою, никакой католический мистицизм не может сбить ее с инстинктивно материалистического мироощущения. Безнадёжно, казалось бы, больной ребенок окреп; окружающие принимают это за милость божью, но проявляется она вполне реалистически: малышу помогли не молитвы и амулеты, а козье молоко. Автор явно не разделяет наивной веры своих героев.⁸

В тех же случаях, когда она эту веру разделяет и хочет заразить ею читателей, многогранность изображаемого ею мира обращается против нее. Согласно убеждению Унсет, католическая вера есть источник нравственной силы ее персонажей, их требовательности к себе, их обостренного чувства моральной ответственности. Однако подлинная основа их переживаний и поступков неизменно оказывается шире, значительнее, человечнее.⁹ Так, когда Кристин находит в себе решимость отказаться от суеты, она сама понимает, что покинула мир, давно покинувший ее, отреклась от него тогда, когда отсекаться было не от чего, когда все узы любви, дочерней, супружеской, материнской, были уже порваны. Не мистических откровений, а прибежища, после того как все изменило ей, ищет она в монастыре. И предается там не столько молитвам, сколько неустанному труду, труду доброй хозяйки, присматривающей за изготовлением пищи и одежды, за больными и обездоленными.

⁷ «Korset». Oslo, 1958, 436—437.

⁸ См.: E. Steen, Kristin Lavransdatter. En kritisk studie. Oslo, 1959, 111.

⁹ Исходя из такого понимания, Н. Я. Рыкова склонна недооценивать значение религиозной философии Унсет. См.: Н. Я. Рыкова. Предисловие к кн.: Сигрид Унсет. Кристин, дочь Лавранса. ГИХЛ, 1962, 9.

Ее предсмертный подвиг также продиктован не религиозным, а гуманным порывом: она спасает ребенка, которого изуверы, обезумевшие от страха перед чумой, хотят зарыть живым, чтобы умиловать разгневанных богов. Не монахиня Кристин, а Кристин-мать самозабвенно кидается в толпу убийц, когда из мрака могилы слышит жалобный тонкий детский голосок: «Ой, мой хлебушко землей засыпало!»¹⁰

Во время агонии, когда она совершает последний акт отречения и отдает обручальное кольцо священнику, чтобы он молился за упокой души матери спасенного мальчика, она радуется, что умрет раньше, чем сотрется полоска от этого кольца, связывавшего ее со всей ее трудной, до краев полной жизнью. Она отдала кольцо и сохранила крест, подаренный отцом. В этом символе, по мысли автора, выражен ее окончательный выбор, предпочтение духовных радостей мирским. Но воображение художника-реалиста подсказало Унсет такие конкретные подробности, которые идут вразрез с абстрактной религиозной символикой: последнее видение, появляющееся перед Кристин, — это младший из ее сыновей, давно умерший Мюнан. Забыв обо всем, она не отводит глаз от двери, все ждет, не заглянет ли он еще...

Кристин умерла в монастыре, среди коленапреклоненных монахинь, Эрленд был убит в безобразной уличной свалке и отказался от исповеди и причастия; она отличалась набожностью, он равнодушием к религии, но оба были одинаково мужественны до конца. Беспутный циник Ульв самоотвержен не меньше, чем верующая Кристин. Вместе с ней он, грешник, выбиваясь из сил, подвергаясь смертельной опасности, предает честному погребению тело нераскаянной блудницы, умершей от чумы. Так поступки и поведение героев Унсет вытекают не столько из их религиозных убеждений, сколько из психологической основы их характеров. Хотя они сами каждую свою нравственную победу приписывают влиянию церкви,¹¹ этому влиянию отводится второстепенная роль.

Унсет считает, что католицизм был той силой, которая одна противостояла тенденциям распада, отчетливо обозначившимся в Норвегии к началу XIV в. На самом же деле церковь углубляла эти тенденции, так как несла идеологическое оправдание наднационального общекатолического объединения, подчиняющего Норвегию ее более богатым и могущественным соседям, Швеции и впоследствии Дании. Это — серьезное заблуждение автора.

Среди героев Унсет очень мало подлинно исторических лиц, — разве только король Магнус и некоторые люди из его ближайшего окружения. Все они остаются на периферии действия ро-

¹⁰ «Korset», 472.

¹¹ «Kransen», 177.

мана. Главные персонажи целиком вымышлены, хотя происходят из знатных родов, упомянутых в старинных источниках.¹² Конкретные политические эпизоды книги тоже вымышлены: не было в действительности заговора под руководством Эрленда, не было и таких собраний древнего норвежского веча — «тинга», в котором участвовали Лавранс и Симон Дарре. Но было немало заговоров, подобных описанному в трилогии, и почти все они кончались так же неудачно;¹³ так же совещались, спорили на тингах, доходя до кровопролитных схваток, вельможи и рыцари. Среди них и правда не было людей, достаточно крупных и государственно мыслящих, чтобы на них можно было возлагать сколько-нибудь серьезные политические надежды. Общая атмосфера безвременья в эпоху начинающегося оскудения страны и кризиса раннего феодализма переданы в романе с замечательной достоверностью.

Дочь известного археолога, с детства широко начитанная в родной истории,¹⁴ Унсет в совершенстве постигла материальную культуру средневековой Норвегии. Каждое ее описание опирается на тончайшее знание древнего быта — военных походов, религиозных шествий, крестьянских работ, внешнего и внутреннего вида поселений, от остроконечных крыш до вделанного в пол очага. Унсет знает все обряды и нравы старины: какое приданое дают невесте, какие подарки получает она от супруга, сколько дней длится свадебное пиршество, что едят и пьют гости, почему так шумно и грубо веселятся и даже какие куски бросают лежащим тут же собакам. Она показывает домашнее убранство и утварь, вооружение и одежду, цвет, качество и выделку тканей. Каждая деталь у Унсет физически ощутима и вызывает непоколебимое доверие. Доверие это укрепляется тем, что детали не самодовлеющи, а служат характеристике персонажей, переданной через их отношение к вещам, к обычаям предков. Разве конфликт между Кристин и Эрлендом не становится ясней от описания крепкого, хозяйственного уклада в ее отчем доме — и запущенности его богатого родового поместья?

Детали быта имеют не только психологическое, но и социальное значение. Внимание писательницы сосредоточено не на феодальных и королевских хоромы, а на усадьбах таких землевладельцев, которые, как Лавранс, Симон и Кристин, сами не гнушаются трудом и по одежде и обличию недалеко ушли от более зажиточных арендаторов из крестьян. Здесь также проявляется верность истории. В норвежском средневековье, не знавшем крепостного права, не было той пропасти между землевладельцами и «вольными» хлебопашцами, какая была во Франции или Германии. Лучшие из героев Унсет не оторваны

¹² E. Steen, ук. соч., 85—86.

¹³ A. H. Winsnes, ук. соч., 127—128.

¹⁴ Ср.: S. Undset. Elleve år. Oslo, 1934, 16, 326—327.

от окружающих крестьян и отличаются поэтому своеобразным демократизмом. Демократичен по своему существу и метод изображения как их самих, так и той действительности, частью которой они являются.

Несмотря на любовный интерес ко всем сторонам прошлого, Унсет чужда его идеализации. Через весь роман проходят картины народных бедствий — голода, болезней, одичанья тех, кто, оторвавшись от земли, лишился средств существования. Толпы бездомных нищих, потерявших облик человеческий, бредут по страницам книги, падают ниц на папертях церквей и у придорожных крестов в напрасной надежде на божью помощь. Унсет не старается привлечь к этому внимание читателя, вызвать в нем ужас и сострадание. Неторопливо, эпически широко, спокойно льется ее рассказ, подражая древним сагам.¹⁵ И все же сквозь эпичность повествования ощущается, что основы феодального порядка подорваны и угрожают всей системе. Это определяет подспудный, скрытый трагизм романа.

Человеческие судьбы, изображенные на фоне многоцветной панорамы норвежской природы, нравов, обычаев и тесно связанные с историческими движениями эпохи, трагичны из-за разлада между чаяниями героев и их осуществлением.¹⁶ Трагична история Лавранса, всем пожертвовавшего ради того, что он почитал своим христианским долгом, и обманутого теми, кого больше всех любил; печален и удел его родичей. В слепоте и неведении, тщетно пытаясь понять других и самих себя, люди страдают и причиняют страдания, живут и умирают, не дождавшись ни исполнения желаний, ни всхода посевов, над которыми трудились в поте лица. Как ни скорбны эти итоги, нигилистическое утверждение бессмысленности всех дел человеческих не возобладало в романе: для этого герои Унсет слишком ярки и сильны. Веления сердца и страстей не раз заставляют их нарушать нравственные законы, которые они считают для себя обязательными. Но преступая законы, они сохраняют требовательность к себе и живое чувство моральной нормы. Оно-то и создает ту высокую и чистую атмосферу книги, которая отличает ее от цинических произведений европейской декадентской литературы.

Исторически закономерно, что для людей XIV в. этические идеалы облекались в религиозную форму. Изображая это, писательница верна действительности. Когда же она пытается доказать объективную истинность такого представления, она занимает ложную позицию, на которой сама не может удержаться. Поэтому, раскрывая в традиционно-католическом духе конфликт между чувственным и духовным как основное противоречие внутреннего мира человека,¹⁷ Унсет то и дело отступает

¹⁵ E. Steen, ук. соч., 191—193.

¹⁶ Там же, 114.

¹⁷ Там же, 122.

от христианской ортодоксии и оставляет этот конфликт нерешенным. Трудно сказать, кто потерпел более горькое поражение, Лавранс, который свято соблюдал дух и букву церковных заповедей, но подавлял свое естество, втайне истязая себя плетью, и прожил безрадостную жизнь, или Кристин, своевольно следовавшая своим порывам и познавшая великое счастье и великое несчастье.

Двойственность романа отражает противоречия мировоззрения автора. В ее сознании борются трезвый рационализм — и мистические упования верующей католички, ясная мысль и истовая набожность. Слабая сторона философии Унсет проявляется в выводах, авторских комментариях, в подчеркивании роли церкви и не оказывает решающего влияния на образную систему романа. Напротив, сильная сторона миропонимания Унсет — способность к целостному постижению действительности в совокупности социальных и идейных факторов, ее определяющих, обуславливает главное завоевание книги — проникновение в сокровенную сущность динамики и многообразия бытия.

Вот почему современные читатели забывают о дали веков и остро переживают трагедию Эрленда и Кристин, отделяя животрепещущее содержание от облекающей его католической оболочки. Как ни хочет Унсет убедить себя и других в том, что просветление возможно лишь в лоне церкви, весь ее роман дышет протестом против ухода от мира. Он воспекает материальную жизнь во всей доступной ей красоте — красоте земли, природы, здоровой молодости. Незабываемой поэзией веет от описания долин и горных хребтов, от картин сельского труда и семейных радостей. Слова любви и нежности, гнева и отчаяния, которыми обмениваются влюбленные, сияющие гордостью глаза матери, толстые ребячьи ножки, топающие по родному дому, пахучие веточки вереска, ломающиеся в руках дочери, когда она, рыдая, бросается на землю в тяжелые минуты расставания с отцом, — все это неопровержимые доводы против католической мертвечины, за большой многоликий мир. Книга, написанная во славу христианского отречения, прозвучала во славу земной жизни, ибо это книга о неистребимой жажде счастья, о безграничной сложности души, раскрывающейся в противоречивой неожиданности своих проявлений и не допускающей догматически однолинейных суждений и оценок. Со всех сторон и во всех направлениях теснящиеся в трилогии факты разрывают русло намеченной схемы и разливаются потоком непреодолимой правды, психологической и исторической.

Последующие произведения Унсет, написанные тогда, когда период идейных исканий был позади, значительно уступают «Кристин» (историческая трилогия «Улав, сын Эудуна», диалогия «Белая орхидея» и «Неопалимая купина», романы «Ида

Элисабет», «Верная жена»).¹⁸ В годы нацистской оккупации Норвегии Унсет, хотя и вынуждена была эмигрировать из Норвегии, деятельно участвовала в борьбе против фашизма и войны. В ее творчестве этих лет преобладают остро публицистические произведения, своеобразно сочетающие защиту мира и свободы с апологией христианства. Но и в этих книгах Сигрид Унсет отстаивает те же идеалы, которые с такой силой выражены в романе «Кристин, дочь Лавранса».

SIGRID UNDSETS ROMAN
"KRISTIN LAVRANSDATTER"

N. J. Diakonova

I den norske litteratur har Sigrid Undsets historiske trilogi "Kristin Lavransdatter" vært en begivenhet av den største betydning. Den er blitt en uadskillelig del av verdenskulturen.

Den første verdenskrig har åpnet for forfatterinnen en epoke hvor åndelige verdier står for fall. Men i stedet for å henfalle til den pessimisme som var så typisk for Vestens forfattere i denne tid, forsøker hun å stille opp en verden hvor de etiske normer er urokkelige. I det XIV århundres Norge søker hun en løsning for de almenmenneskelige problemer som hennes samtidige står overfor.

Undset selv hevder at alle ulykker som møter Kristin er en gjengjeld for hennes synder, og at man kan vinne fred bare ved å gi avkall på de verdslige fristelser. Men hele strukturen av romanen, Undsets dype forståelse av det reelle liv med dets lykke og ulykker, med alle dets sosiale og materielle drivkrefter, er en be- nektelse av denne idé. Forfatterinnen forener visstnok i seg en nøktern rasjonalist og en troende katolikk, men den sterke realistische siden i hennes verdensoppfatning gjør det at hennes roman, til tross for hennes religiøse overbevisning, er blitt til en høysang til jordelivet, en av samtidens største litterære skapninger.

¹⁸ «Olav Audunsson», 1925—1927; «Gymnadenia», «Den brændende busk», 1929—1930; «Ida Elisabeth», 1932; «Den trofaste hustru», 1936.